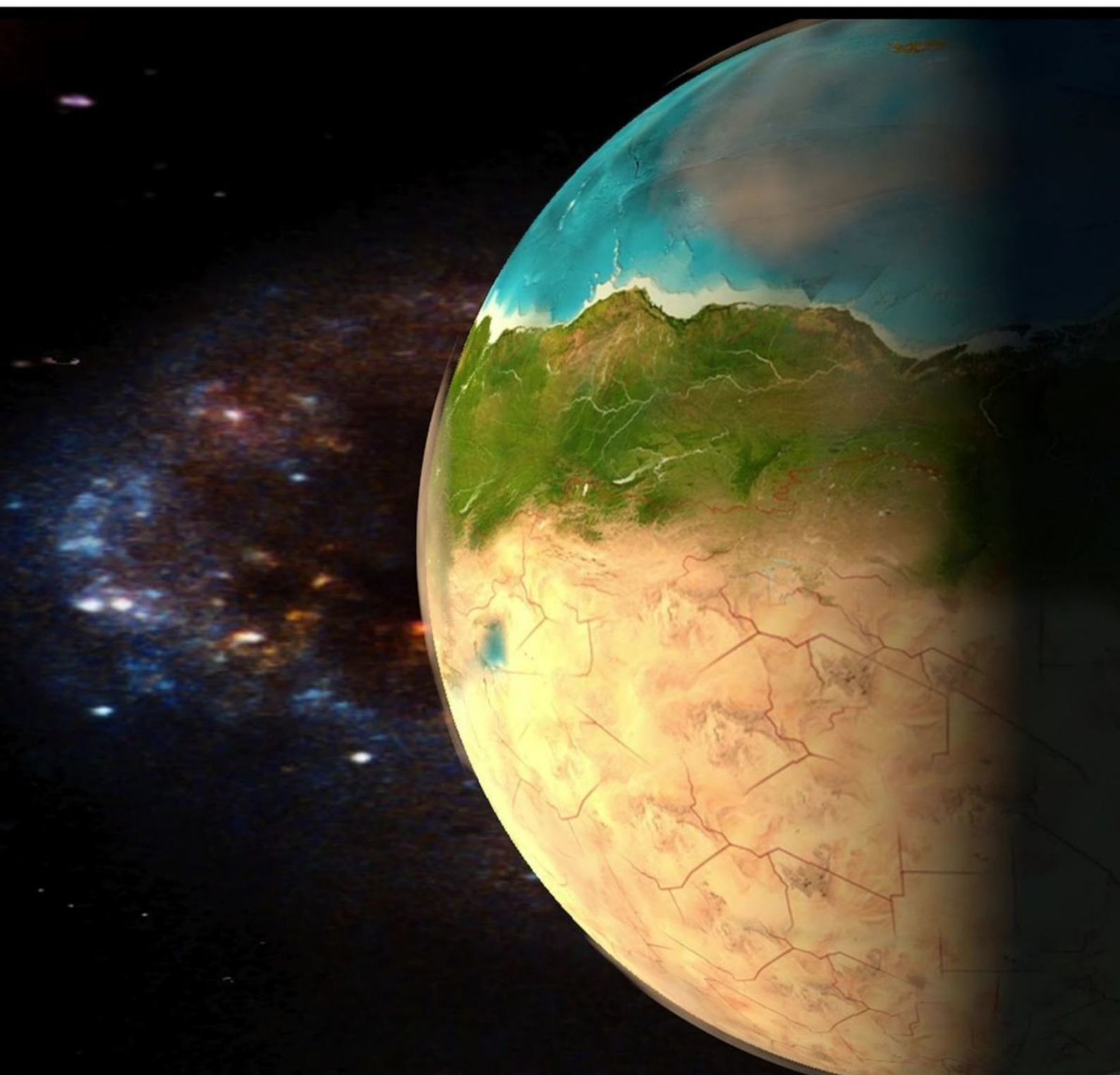


ВОЛШАНИК Т.

Остановка на пути домой



Т. Волшаник

Остановка на пути домой

«Издательские решения»

Волшаник Т.

Остановка на пути домой / Т. Волшаник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931823-7

Чем в сущности была эта их экспедиция? Короткой остановкой на пути домой. Всего лишь мгновением. И оно разделило их жизнь на до и после.

ISBN 978-5-44-931823-7

© Волшаник Т.
© Издательские решения

Содержание

Остановка на пути домой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Остановка на пути домой

Т. Волшаник

Благодарности:

Ольга Маркова

Михаил Марков

© Т. Волшаник, 2018

ISBN 978-5-4493-1823-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Остановка на пути домой

Моей любимой дочери, которая в меня верит.

Космический корабль тяжело задрожал. Могучее усилие, разворачивающее его многотонное тело, прошло по несущим конструкциям корпуса, пронизало каждую переборку и передалось людям, собравшимся в просторном высоком зале с иллюминатором во весь потолок. Звездное небо вращалось над их головами, вздрагивая в такт напряженной работе двигателей. На какие-то мгновения дрожь стала почти невыносимой – и все стихло. Вращение звезд остановилось. Маневр закончился. Корабль лег на обратный курс.

Воздух всколыхнулся и наполнился движением и звуками. Эта короткая наивная постановка была знакома им всем – и все равно заставляла замирать сердца и останавливала дыхание.

Конечно же, это была постановка. Жилой модуль, вывешенный внутри мощной конструкции из нескольких технологических контуров, был надежно закрыт от внешнего мира. И огромные иллюминаторы на стенах только казались чистыми стеклами, прямо смотревшими в черный мрак космоса, а на самом деле были экранами, воспроизводящими картину звездного неба, которую фиксировали многочисленные камеры на корпусе корабля. Жилой модуль мог защитить людей при самых жестких посадках и серьезных столкновениях с космическими телами. Все эти толчки и удары просто исполнялись системами балансировки и видеосистемами по сценарию анонимного автора. И – странно – после долгих экспедиций, приносящих настоящие победы и достижения, именно эти несколько минут безыскусной игры давали людям ощущение значимости их дела. Те, кто уходил – совсем или в другой экипаж, – сожалели о том, чего им будет не хватать больше всего, вспоминали именно эти несколько минут.

Да и инкогнито сценариста не было такой уж тайной. Все члены экипажа согласно хранили её, будто чувствовали, что разрушить очарование слишком легко, а эта сопричастность, наоборот, придавала действу значительности. Но, конечно, каждый понимал, что кроме командира придумать все это было некому. Как ни старался он, изображая из себя зануду и педанта, – по правде говоря, занудства и педантизма в нём было изрядно – но тех, кто знал его не один год, подобные усилия не могли обмануть. Все это была лишь внешняя оболочка. Под ней жил подросток, романтик, который когда-то давно, следуя за своим мальчишеским идеалом, сделал выбор, приведший его спустя много лет на капитанский мостик одного из лучших кораблей.

И постановка эта погружала её зрителей и участников не в настоящее прошлое, а в отраженный, романтический образ минувшего из книг и фильмов, который когда-то завладел воображением ребенка.

Парадоксальная ирония жизни состоит в том, что люди выбирают свой жизненный путь в самом раннем детстве, лишь смутно представляя себе само дело... да всю жизнь вообще. И делают этот выбор с безошибочной точностью.

Не всем хватает мужества следовать детскому выбору, сопротивляясь непреклонному напору прагматизма жизни. Эти немногие, даже не добившись успеха, вознаграждаются возможностью жить без смутного чувства вины перед самими собой. Прочие же заглушают это чувство, ведя счет истинным или мнимым достижениям совсем на другом поприще, старательно выдавая удовлетворение за удовольствие. И иногда, преодолев немалое расстояние на своем жизненном пути, они порой исподтишка берутся за дело, которое когда-то наивно назначили для себя, – и становятся совершенно счастливы.

Рохан, так же как и весь экипаж, любил короткие мгновения этой постановки. Она не трогала романических струн в его душе – за неимением оных, в чем он был твердо уверен. Но когда очередная экспедиция близилась к завершению, он начинал ждать – не отправки

домой, а именно этой минуты. Он почти физически ощущал, как вместе с толчками и дрожью корабля, будто отрясающим пылью чужой планеты, избавляется от всего, что проникло в него в том чужом мире. В нем будто бы появлялось свободное пространство, которое можно было неспешно и раздумчиво заполнить только полезными и важными мыслями и впечатлениями.

Время обратного пути все члены экипажа обычно посвящали спокойной размеренной работе, приводя в систему результаты экспедиции, постепенно освобождаясь и от внутреннего груза. «Не нужно тащить домой все, что набрал по дороге», – говорил иногда командир.

Когда кончались толчки, наступало недолгое затишье, а потом группа людей под гигантской картиной звездного неба приходила в движение. Если торжественный сбор, возвещающий начало обратного пути, был практически официальной традицией, все последующее было традицией неписаной. И соблюдалась она, как большинство неписаных традиций, даже более строго. Приходило время священнодействия, исполнения обряда, от которого зависело нечто трудноопределимое, но чрезвычайно важное.

Это было внутреннее тайное суеверие экипажа. Всякий коллектив со временем обрастает традициями, которые затем приобретают силу суеверий, особенно, если эти люди долгое время проводят вместе, вдали от других, и делают общее непростое и опасное дело.

Сейчас нужно было расходиться, но так, чтобы обязательно перебраться хотя бы парой слов с каждым, постепенно продвигаясь к выходу. Люди будто бы исполняли старинный медленный танец, состоящий из бесконечной череды несложных фигур и постоянной смены партнеров. Подстать танцу был и аккомпанемент: голоса, громкие и не очень, легкий смех и возгласы сливались в неповторимую мимолетную музыку. Ее гармония была сродни гармонии той уникальной партии, которую оркестр исполняет только один раз, когда настраивается перед выступлением.

Рохан пожелал приятного отдыха почти всем и уже направлялся к выходу. Там, немного особняком, стоял командир. Он улыбнулся, как показалось Рохану, лукаво и сказал негромко:

– Хочу тебя попросить. Удели старику немного своего свободного времени. Нужно посоветоваться.

Это было неожиданным – и самым прекрасным окончанием дня, какое только можно было пожелать. Рохан чрезвычайно дорожил «советами» с командиром, и последние месяцы с замиранием сердца вел им обратный отсчет. В конце предыдущего полета тот объявил, что принял решение отказаться от дальних экспедиций и нынешняя станет для него последней. Рохан огорчился тогда едва ли не больше всех, хотя для него это означало, что он вскоре перешагнет очень важный для себя рубеж и сам займет капитанский мостик.

И вот экспедиция близилась к завершению, а с ней – и эти разговоры, которые командир называл «посоветоваться».

Рохан вышел из зала и направился к рабочей комнате командира, которую тот называл своим кабинетом и которая представляла собой довольно-таки странное для современного корабля место. Две стены там были вполне обыкновенные, с выведенными на них необходимыми мониторами и панелями управления, а на двух других висели настоящие бумажные карты звездного неба. Перед мониторами, как положено, имелся длинный рабочий стол, перед ним, как и положено, стул, неизменно повернутый к столу и к мониторам спинкой.

Посередине же располагался настоящий деревянный стол с резными ножками и резной окантовкой столешницы. Рохан не решался даже думать, сколько лет могло быть этому столу. Он казался таким прочным, как будто дерево впитало в себя связующий раствор столетий и приобрело крепость самого времени. Его поверхность хранила на себе несомненные отметины долгой службы – царапины, вмятины, и ни одна из них не казалась чужеродной причуд-

ливому витому орнаменту. Скорее, наоборот – без них узор был бы слишком правилен, слишком чист, слишком однообразен.

Когда корабль готовился к очередному вылету на Земле, его обязательно посещал мастер – старик, едва ли не столь же древний, как и сам стол. Руки его были почти такого же цвета, как поверхность стола, но если дереву время придало гладкость и матовый блеск, то руки человека стали сухими и шершавыми, как будто за годы работы их жизненная влага постепенно перетекала в древесину. Командир неизменно встречал мастера еще на земле и сам провожал к кабинету. На своем неторопливом пути они вели беседу об общих знакомых и о тех, кого мастер никак не мог знать, но о ком всегда осведомлялся с искренним интересом. Он оставался каждого встреченного члена экипажа, спрашивая о его родных и друзьях, кого тоже не мог знать и о ком слышал раз в несколько лет, и ни разу не ошибся в имени или обстоятельствах чужой жизни. Рохан поражался этой способности. «Просто его жизнь бедна впечатлениями – все дерево и дерево, вот и помнит много», – объяснял Рохан сам себе – и никогда до конца не верил этому объяснению. Потом мастер надолго оставался в кабинете наедине со столом, и весь экипаж был уверен, что ничего он там не делает, а просто беседует со столом о людях, когда-то сживавших за ним, и слушает рассказы стола о них самих, его теперешних гостях.

Рохан довольно быстро нашел столу вполне практическое применение. Если ему очень нужно было сосредоточиться и обдумать что-то прямо во время совещания, которые часто проводились тут, в кабинете командира, он начинал разглядывать лепестки и розетки резного узора. Разговоры как будто стихали, превращаясь в монотонный фон, зато работа глаза совсем не мешала работе мысли. Наверное, и командир, оставаясь здесь один со своим молчаливым помощником, так же погружался в изучение бесконечных бороздок на темной покрытой временем поверхности, а в его голове, может быть даже незаметно для него самого, складывались нужные решения.

Часто на столе обнаруживалась старая, еще бумажная книга. В книгу всегда была вложена закладка, которая перемещалась по обрезу – но не в одном направлении, а как попало. Рохан набрался как-то смелости, и спросил, зачем командиру нужны такие книги.

– Я с ними советуюсь, – сказал тогда командир.

– Но вы же их, наверное, наизусть знаете, – удивился Рохан. – Что они могут сказать вам нового?

– Знаешь, тех людей, с которыми я обычно советуюсь, я знаю почти как книги – если не наизусть, то очень близко к тексту, – ответил командир. – И они почти никогда не говорят мне ничего нового. Но ведь люди и советуются вовсе не для того, чтобы услышать новое. И даже не для того, чтобы услышать совет.

Тогда Рохан не понял, что имел в виду командир. Смысл его слов начал проясняться только после того, как тот стал звать советоваться самого Рохана.

Когда Рохан подошел к кабинету, командир еще оставался в зале. Он зашел внутрь – кабинет был открыт для всех почти всегда – и устроился в одном из кресел возле стола. Радостное предвкушение беседы настроило его на иронический лад по отношению к самому себе. Он вспомнил, как командир пригласил его сюда в первый раз.

Это была четвертая экспедиция Рохана под его началом и уже второй раз Рохан отправлялся в неё в качестве старшего помощника миссии. Фактически, второго по значимости члена команды. Его разговорам с командиром, совещаниям и дружеским беседам с экипажем давно был потерян счёт, и, казалось бы, подобное приглашение не должно было вызвать никакого напряжения. Но Рохан почему – то пришел в состояние такого волнения, какого не испытывал

ни перед одним экзаменом. Что-то было в слове ли, в интонации, что Рохан понял: это будет не обычное обсуждение текущих дел. Это будет разговор на равных.

Рохан умел ценить себя, и еще больше – других, и честно отдавал себе отчёт, что он пока весьма далек от уровня командира. А тот сам поставил Рохана на одну ступеньку с собой. Надо было соответствовать. И Рохан так напряженно старался соответствовать, старался быть готовым высказать своё мнение едва ли не по каждому слову, что, выйдя за дверь, понял – он не помнит ровно ничего из того, о чём шла речь. А командир, казалось, и не собирался интересоваться его мнением, не задал ни одного вопроса, требовавшего хоть сколько-нибудь внятного ответа, только то и дело повторял: «Так, ведь?», на что Рохан кивал или говорил: «Так», потому что действительно было так. В конце разговора он с удивлением услышал: «Спасибо. Мне было важно знать твое мнение», и, хотя даже намек ни на одну его мысль не прозвучало, тон командира усыпил бдительность Рохана, успокоил самолюбие и оставил в уверенности, что посоветовались они продуктивно.

Спустя какое-то время эти беседы стали будто бы даже слегка тяготить Рохана. Командир действительно не говорил почти ничего нового, чего бы – пусть и вскользь – он не касался прежде, или чего не было понятно и без всяких слов. Он пространно и вдумчиво описывал ситуацию, которую и так все знали. Несколько раз Рохан терял терпение и торопил разговор, привычно говоря «это понятно». Командир на это неизменно повторял: «Слово должно быть сказано. Слова дают власть над вещами. То, для чего не найдено слово, столь же эфемерно, как твои мысли».

Тогда Рохан вовсе не считал свои мысли эфемерными. Но он тоже начал искать слова. Теперь, когда ему казалось, что в голову пришла особенно удачная идея, он поверял её словами, удивляясь иногда, в какую ерунду или банальность она превращается. А через некоторое время поймал себя на том, что подсознательно подыскивает себе собственную «жертву», с которой мог бы «советоваться», или, если хотите, проверить свои мысли «на звук».

Воспоминания Рохана прервал командир. Он вошел, как обычно устроился на стуле, как обычно немного помолчал. Рохан попытался представить, о чём пойдет речь – очевидных тем не было. Командир заговорил, и его тон оказался вдруг очень непохожим на тот, к которому Рохан привык в прежних беседах.

– Прости, но для начала я должен прочесть тебе небольшую лекцию. Из истории освоения космоса. Вы наверняка это проходили во время учебы, но вряд ли этот эпизод остался у тебя в памяти... Честно говоря, я бы удивился, если бы остался...

Так вот, довольно давно, в начале периода дальних экспедиций, на Земле стали получать сигналы несомненно искусственного происхождения из того сектора галактики, где мы сейчас находимся. В то время интерес к дальним полетам был необычайный. Достаточно было самых скудных сведений, чтобы отправить экспедицию практически незнамо куда. Так же было и с этим сектором. Никаких сведений о возможности существования разумной жизни здесь не было, и изучен он был чрезвычайно слабо. И все же, к месту примерного источника сигналов была отправлена экспедиция. Она обнаружила пригодную для жизни планету без каких-либо признаков присутствия разумных существ. И даже следов их присутствия. Наблюдение с орбиты не показало явных опасностей, состав атмосферы оказался близок к земному, и они приняли решение садиться.

Все случилось очень быстро. От них пришло несколько бодрых рапортов: данные по грунту, атмосфере, планы экспедиции к местному лесу, а затем интонация как-то резко поменялась. Надо сказать, последующие сообщения показались вообще очень странными для космонавтов такого класса. Они сообщили о «мушках» уже в одном из первых отчетов. Можно

было подумать, что это какие-то местные существа – что-то вроде насекомых. Несколько экземпляров будто бы были взяты для исследования... ничего необычного. Этих мушек становилось все больше, и вдруг рапорты резко изменились, стали странными, почти бессвязными... «они пожирают корабль» и ещё что-то вроде «голые люди на голой земле».

А потом... они ушли.

Командир сделал паузу, ожидая реакции Рохана, но тот некоторое время растерянно молчал, пытаясь переварить последнюю фразу.

– А почему погиб корабль? – спросил он наконец, не дождавшись очевидной информации.

– В этом-то все дело. По данным автоматического наблюдения корабль ещё какое – то время находился в рабочем состоянии, он мог подняться в воздух. Но в нём не фиксировалось присутствия людей. Ни живых, ни погибших.

Космонавты ушли от корабля, способного подняться в воздух. Это было невыносимо. Корабль был их жизнью. Даже разбитый, обездвиженный, лишенный живой силы электричества корабль оставался защитой людям на других планетах, не говоря уже о том, что если была хотя бы малейшая возможность подняться, пусть даже и на орбиту, с опасной планеты – она означала куда больше шансов на спасение... Опытные люди оставили корабль, на котором, судя по всему, можно было дотянуть даже до Земли...

Они потеряли рассудок? Но что же это должно было быть за воздействие?... Да, к тому же, есть средства защиты... Если экипаж подвергся психической атаке, это нетрудно установить.

– Всё дело в том, что вторая экспедиция не нашла ничего, что могло бы стать источником такого воздействия. Ничего...

– Туда послали спасателей?

– Конечно. И они столкнулись с чем-то ещё более странным.

Командир не удержался и сделал паузу, впрочем, напрасно. После услышанного Рохан всё равно был не в силах предположить, что могло быть ещё более странным. И командир сказал.

– Они не нашли корабля. Не нашли даже крохотной детали. Сверхпрочная обшивка и «черные ящики», которые почти вечны, испарились, будто их и не было. И следов места посадки не нашли. Наверное, им следовало бы вернуться – при таких обстоятельствах шансов обнаружить людей не оставалось. Но они сели, предприняли попытку обследовать окрестности, рассчитывая на силовые экраны вездеходов. Они сделали несколько вылазок, пока на корабле не получили сообщение, что команда вездехода покидает его. А в конце были слова – «следуйте за нами». Наверное, экипаж тогда уже тоже испытывал воздействие... В общем, со вторым кораблем произошло то же самое.

Позже, очень много позже выдалась возможность исследовать планету в третий раз – только с орбиты. Задачи у той экспедиции были совершенно другие, но они были ближе всех к этому сектору. Они не нашли никаких следов – ни первого корабля, ни второго.

Конечно, это могло означать только гибель обеих экипажей. Между тем, прошло уже немало лет, время романтики первооткрывателей тоже прошло. После третьей экспедиции пропал даже проблеск надежды найти следы людей – то есть пропала единственная основательная причина, по которой можно было бы отправлять туда ещё один корабль. Мы больше не летаем просто так. Цель каждой экспедиции взвешивается, оценивается, – командир вздохнул с нескрываемым сожалением и тут же поспешно добавил: – и это правильно. А про ту планету поступило достаточно много информации, и, конечно, за исключением странных мушек, в этой информации нет ничего, что делало бы её интересной... Да и мушки по своей странности не сравнятся с другими чудесами вселенной...

Вот, в сущности, и вся предыстория. Ты, конечно, уже понял, почему я рассказываю это тебе. Сейчас мы находимся почти рядом с этой планетой.

Командир замолчал. К чему идет разговор, Рохан понял уже давно и начал ощущать знакомый зуд разведчика. Полеты в этот сектор были крайне редки, и не воспользоваться случаем попытаться раскрыть одну из загадок космоса было бы непростительно. Пожалуй, если бы Рохан помнил этот эпизод со студенческой скамьи, он наверняка бы сам захотел попасть на загадочную планету.

Но Рохан не помнил. В начале обучения им читали курс введения в специальность. Подобные курсы, наверное, прослушивали все студенты в первые месяцы своего учебного поприща во все времена. Он был ни чем иным как чередой будоражащих воображение рассказов один невероятнее другого. Было бы даже удивительно, если бы такой, неяркий – пусть и трагический – эпизод привлек внимание совсем ещё молодого человека. К тому же тогда, без опыта полетов, нельзя было бы оценить странности всех его обстоятельств в полной мере.

Да, командир рассказал не всё. Рохан постеснялся спросить прямо и задал наводящий вопрос.

– А когда вы узнали эту историю?

Командир посмотрел на него внимательно. Да, Рохан всё понял правильно.

– А вот это как раз самое главное и есть. Это было ещё в училище. Там такой курс в самом начале – очень забавный. Мы его обожали. Два раза в неделю полтора часа слушаешь разные небылицы – а при этом считается, что ты учишься... Но неважно. И рассказ про планету с мушками, наверное, для всех стал просто ещё одной историей... Историей из множества других. Но я, как только его услышал, понял, что хочу попасть туда.

Командир помолчал, взвешивая свои мысли и слова.

– У меня было много времени, чтобы попытаться понять, что двигало мной тогда. Я часто думал об этом. Почему мне запала в душу именно эта история? Она невыразительна, в ней нет ничего, что может потрясти воображение молодого человека, не сулит громкой славы. Как бы это сказать... Если молодой человек хочет, чтобы его имя осталось в истории... на любом поприще, он невольно нацеливается на задачи яркие, популярные что-ли. Тебе, наверное, не понравится то, что я скажу. Ты человек рациональный, даже больше... В результате долгих раздумий я пришел к выводу, что эта история была рассказана мне не случайно. И теперь именно от меня многое зависит.

Командир улыбнулся неожиданно трогательной, как бы виноватой улыбкой.

– Ты скажешь – вместе со мной ее слушали еще несколько десятков человек. Да, и для них она ничего не значила. А для меня значила. Мой разум так же, как и твой, сопротивляется такому выводу, но ощущения говорят другое.

Впрочем, все эти рассуждения – плоды гораздо более позднего времени. Поначалу это было просто горячее желание. И оно вовсе не казалось мне странным. Мои товарищи тоже увлекались какими-то историями и задачами. Ну, я заинтересовался вот этой.

Пока учился, я собирал материалы. Потом сделал несколько попыток организовать экспедиции. Не получилось. Но, странное, дело, меня это несколько не огорчило. То есть, огорчило, конечно, но не слишком. Я знал, что я там буду. Это просто вопрос времени. Я тщательно изучал графики экспедиций, ждал, когда представится благоприятная возможность. В какой-то мере я даже радовался, что возможности не предоставлялось. Я должен быть готов к встрече. Я должен иметь опыт. Я должен быть мудр. В итоге вся моя жизнь стала подготовкой... подготовкой к этой экспедиции.

Все получилось – практически так, как я себе и представлял, и как нельзя лучше, если смотреть на вещи объективно.

Так что интуиция меня не обманула, хотя с тех пор и прошло очень много лет. Впрочем, ты не веришь в интуицию...

Рохан верил в интуицию, хотя называл этим словом совсем не то, о чем сейчас говорил командир. Не просто верил – он старался развивать её в себе, тщательно прислушивался к соб-

ственным решениям, которые рождались в голове внезапно, как обычно говорят, интуитивно, и придирчиво анализировал их. И всегда находил невидимую на первый взгляд рациональную основу: в крупицах опыта, в знаниях, проникших так глубоко в подсознание, что он не отдавал себе в них отчета, в действиях, доведенных до автоматизма. В последние годы он стал все смелее и смелее полагаться на интуитивные решения, тем более, что они созревали гораздо быстрее обдуманных. Да и не созревали вовсе, а просто приходили сразу – и всё.

Но, конечно, это было совсем не то, о чем говорил командир. Скорее всего, с возрастом тот стал более трепетно относиться к юношеской мечте, так что она действительно стала казаться ему делом всей его жизни. В противном случае, Рохан должен был признать за ним склонность к мистике – а это было невозможно. Рохан оборвал собственные мысли и перевел разговор в деловое русло.

– Я правильно понимаю, что на меня возлагается какая-то особая задача?

– Правильно. И даже две. Во-первых, я прошу тебя сделать сообщение для экипажа, и совместно решить, как организовать экспедицию самым безопасным способом. Я знаю ребят, они, конечно, загорятся, но мы на обратном пути, а это святое. Все решения только добровольные, риск должен быть сведен к минимуму. И, во-вторых, если мы сможем организовать там какие-то вылазки, руководить ими будешь ты.

Рохан не удержался и громко вздохнул. Речь шла о мечте всей жизни. И командир отдавал ее осуществление в руки Рохана. Эту мысль нужно было переварить. А пока обсудить нечто менее важное.

– Почему я должен сделать сообщение?

– Во-первых, не хочу, чтобы на решение хоть как-то повлияло мое положение. Я командир, мои слова имеют особый вес... Как бы я ни формулировал... Но, это не главное... Как бы объяснить? Я боюсь... боюсь силы собственного желания. Ничего нельзя делать под влиянием желания, даже убеждать других... Особенно убеждать других...

Знаешь, я всегда придерживался правила – если очень сильно чего-то хочешь – потерпи хотя бы день, ночь... Настоящее останется, блажь пройдет. Но у меня нет такой возможности. Это мое желание постоянно со мной. Остается только переложить дело на чужие плечи.

Командир улыбнулся. Рохану вдруг показалось, что тот очень устал. Кажется, в этот разговор было вложено слишком много. «Слишком много души», – подумал Рохан, и удивился, потому что едва ли не впервые ощутил, что это не просто фигура речи.

Рохан решил дать себе достаточно времени на подготовку сообщения. Он запросил всю доступную информацию, еще раз познакомился с короткой печальной историей исследования планеты в ее официальной версии, почти полностью написал текст своего выступления, что делал очень редко. Подбирая слова, Рохан, как ему показалось, догадался и еще об одной причине, по которой командир поручил это ему. Командиру нужно было, чтобы сообщение было абсолютно бесстрастным. А если кто-то из экипажа и был способен сделать действительно бесстрастное сообщение, то это был Рохан.

Он был почти напрочь лишен поразительного дара, называемого воображением. Дара, который тянет человека вглубь вещей, заставляет вглядываться в невидимое, улавливать скрытые смыслы. Рохан видел вещи такими, какими видел, такими, какими они должны были быть, с точки зрения науки, здравого смысла или опыта.

Этой его особенностью не было цены в экспедициях. Он шел туда, куда нужно было идти, опасался того, чего стоило опасаться, и доверял тем людям и тем вещам, которые заслужили его доверие. Никогда лежа в палатке где-нибудь на далекой планете, он не испытывал ледящего холода, осознавая, как, в сущности он хрупок и ничтожен перед этим чужим миром,

и что рядом с ним лишь несколько таких же как он хрупких существ. Абстрактная мощь иного мира распадалась в его сознании на вполне конкретные опасности и возможности, а слабость человека как такового превращалась в опыт, силу и ум вот этих реальных, осязаемых ребят, его товарищей. И в полете его сердце никогда не замирало при мысли о том, как мал и непрочен их корабль и какое расстояние разделяет их и хотя бы мало-мальски спокойную пристань. Корабль был надежен и проверен и преодолевал куда большие расстояния, а представлять себе безграничность вселенной и ее безграничные опасности – в этом не было толку, если они существовали где-то далеко в этой безграничности.

Нет, конечно, Рохан вовсе не был совсем бесчувственен. Предстоящая встреча со странной планетой волновала его, но вовсе не загадками. Им предстояло испытание, которое не смогли пройти опытные космонавты, закаленные во многих экспедициях. Рохана ожидала проверка на прочность, и он уже ощущал сладкий холодок под ложечкой, знакомый с самого первого мальчишеского прыжка с тарзанки в ледяную воду речки. Это детское стремление проверить на себе непреодолимое Рохан сохранил до сих пор. Он бы непременно попросил привязать себя к мачте, как Ясон, чтобы услышать песню сирен. В этой старинной легенде, его удивляло другое: то, что Ясон был такой один, а все остальные моряки с готовностью затыкали себе уши.

А ведь это сравнение не он придумал. Так сказала про него Лина.

И почему это даже самые отвлеченные размышления, всегда наводили его на мысли о Лине? При том, что сама мысль о ней заставляла Рохана чувствовать какое-то неопределенное беспокойство.

Лина пришла в экипаж в этой экспедиции. Рохан с энтузиазмом относился ко всем новым людям в своей жизни, рассчитывая на новые товарищеские отношения. И, как правило, его ожидания оправдывались.

И Лина поначалу понравилась Рохану своей открытостью и проницательностью. Она быстро и органично освоила стиль общения в экипаже, что требовало хорошего чувства юмора, изрядной самоиронии и отличной реакции. У них спуска не давали никому, и от многих это требовало немалой работы над собой. Она прекрасно вписалась в коллектив. Она была привлекательна, что радовало Рохана, и при этом совершенно не в его вкусе, что радовало его еще больше – потому что в нее... не надо было влюбляться.

Как это ни странно, Рохана всегда радовало это состояние – невлюбленности. Оно позволяло ему общаться с девушками и получать удовольствие от этого общения, только в нем он мог ценить и их красоту, и ум, и обаяние. Стоило влюбиться, как становилось, не до этого. Он мучился собственным несовершенством, стремился к своим избранницам – и малодушно избегал встреч и общения, тушевался в компании и еще долго страдал, когда окончательно понимал, что ничего у них не получится. Да и что могло бы получиться – при таком-то поведении?

И Лина, казалось, полностью оправдывала его ожидания. Не пыталась никому понравиться, была со всеми дружелюбна, хоть и иронична и проницательна. Вот эта-то проницательность, во всяком случае, в отношении его самого, и начала беспокоить – да, что греха таить – просто пугать Рохана. Казалось, она могла видеть недоступные ему самому глубины его личности. Рохан убеждал себя, что бояться нечего, что как глубоко ни заглядывай, не найдешь, чего стоило бы стыдиться, – и стыдился неведомо чего, ощущая себя в ее присутствии хитрым плутом, выдающим себя совсем за другого и ежеминутно рискующим быть разоблаченным.

Рохан попробовал было присматриваться к отношениям Лины и других членов экипажа, пытаясь понять, не боятся ли и они разоблачения, но быстро заметил, что друзья воспринимают это внимание как-то не так и то и дело хитро улыбаются ему. Рохан бросил попытки, а в присутствии Лины ему ничего не оставалось, как держаться в тени, стараться оставаться незамеченным...

Сообщение Рохана получилось именно таким, какое, наверное, и хотел бы услышать командир. У экипажа проснулся исследовательский азарт и чувство долга – ничего иррационального. Нынешняя экспедиция оказалась на редкость будничной, оставила ощущение легкой неудовлетворенности, и так кстати возникшая загадка обещала компенсацию за нерастраченные силы и недополученную остроту ощущений. Теперь все пребывали в состоянии веселого возбуждения.

Сведений о планете было немного, это подогревало интерес. Все начали упражняться в сочинении версий, одна безумнее другой. Единственным, кто не разделял общих эмоций, был, как ни странно, командир. С того момента, как корабль взял курс на загадочную планету он ни разу даже словом не перемолвился с Роханом, и вопреки обыкновению почти целые дни проводил в своем кабинете. Казалось, его огорчало приближение к возможному осуществлению мечты всей его жизни.

Так или иначе, ждать оставалось недолго. Рохан и не заметил, как пролетели дни, и вот, войдя, как обычно, утром в рубку он увидел на экране-иллюминаторе небольшую точку, помеченную как цель их движения. Он довольно долго простоял тогда перед экраном, прекрасно понимая, что между тем, что было вчера, когда этой точки не было, и сегодня, когда она появилась, нет никакой разницы. Но его не оставляло ощущение, будто теперь они перешли какой-то незримый рубеж. Именно теперь – а не тогда, когда экипаж проголосовал за то, чтобы отклониться от курса и исследовать загадочную планету, и решение действительно было принято. Они взяли новый курс, и появление этой точки здесь на экране было лишь вопросом времени. Но тогда ее не было, а теперь...

Он был не одинок: за пару часов поглядеть на точку пришли все члены экипажа, и Рохан услышал фразу Лины: «Какую все-таки власть над человеком имеют символы». Но этот интерес был краток, желание посмотреть на планету, пока еще столь далекую, чтобы служить лишь символом самой себя, быстро улеглось.

Прошло еще несколько дней. Точка на экране росла, наливаясь яркими красками, а у Рохана начинало то и дело щемить в груди: эта планета все отчетливее напоминала Землю. Очевидного сходства не было, но избавиться от ощущения никак не удавалось. Почти половину поверхности от одного полюса до экватора занимал несомненный океан, лазурное поле, украшенное белыми кружевами атмосферных вихрей. Вдоль берега океана шла полоса интенсивно зеленого цвета, за ней начиналось сплошное темно-серое поле. Оно простиралось до другого полюса, в высоких широтах становилось почти черным, местами его покрывали белоснежные пятна. Единственное, что обращало на себя внимание сейчас, – крупный выход черных пород у другого полюса. Тени этих пород имели четкие геометрические очертания. Настолько четкие, что их можно было признать искусственными. Но можно было и не признавать. Природа способна создать самые неожиданные формы. Да и задумываться об этом сейчас было преждевременно.

Красочный шар рос в размерах и все чаще собирал перед экраном восторженную аудиторию. В один из таких сборов кто-то из экипажа провозгласил:

– Планета-Полосатик.

Конечно, рано или поздно это должно было случиться. Невозможно именовать планету, висящую перед тобой манящим разноцветным леденцом, бессмысленными цифрами стандартного обозначения. Рохан втайне даже сам пытался придумать ей название, но упражнения в словах не были его сильной стороной. Ребята, собираясь в кают-компанию, тоже иногда начинали играть в имена, так ни на чем не останавливаясь. Несмотря на всю загадочность, у планеты не было достаточно выразительной особенности, чтобы могло возникнуть имя. И вот

чем это закончилось... Рохан не любил нарочито детских самодельных названий, как, впрочем, не любил слащавой манеры разговора с детьми. Сам он в тех редких случаях, когда ему приходилось общаться с детьми, вел себя так же, как со взрослыми – он вообще вел себя одинаково со всеми, – чем неизменно завоевывал горячую симпатию ребенка и обычно впоследствии не знал, что с нею делать. К тому же, не было, на его взгляд, в планете ничего такого особенно полосатого, – но, как это часто бывает, значение сказанного оказалась не столь важным по сравнению с уверенностью говорящего. Никто не стал возражать, и ничего не сказав, собравшиеся тем самым признали за нелепым словом право на то, чтобы быть именем незнакомой планеты. Теперь же, как только слово было произнесено, это мгновение назад жуткое место, где два экипажа исчезли, не оставив следа, стало похожей на Землю планетой с таким домашним, малость глуповатым именем Полосатик. Люди дали ей имя и имя дало им право на нее.

К тому же, страх питается неизвестностью. Сейчас же планета была рядом. Ее можно было изучать вполне рациональными средствами и получать вполне рациональные факты. А рациональные факты не давали оснований для беспокойства: предположительный состав атмосферы пригоден для дыхания, нет признаков присутствия каких-то очень мощных и крупных животных, нет признаков разрушения цивилизации. И даже если бы внизу их ожидали какие-то опасности, это были бы вполне рациональные опасности. К ним, конечно, нужно было подходить серьезно, – но они не внушали необъяснимого ужаса. Только два человека имели основания испытывать иррациональные чувства – командир и Рохан. Но Рохан не допускал в себе ничего иррационального, а командир – что бы ни было сейчас в его душе – никак этого не обнаруживал. В команде царил энтузиазм.

Теперь самой сложной задачей, стоящей перед экипажем, и, главным образом, перед Роханом, был выбор группы, которой предстояло совершить посадку и работать на поверхности. Командир принял решение сажать на планету собственно корабль, оставив большую часть экипажа на орбите в так называемой спасательной шлюпке. Романтическое название «шлюпка» относилось к небольшому космическому кораблю, способному доставить космонавтов не то что до ближайшего крупного межгалактического центра, но и до Земли. Если бы события стали развиваться по трагическому сценарию, они могли бы попытаться помочь, а в крайнем случае, – вернуться домой, доставив на Землю все, что было наработано по основной миссии, и то, что они смогли бы узнать о планете. В отличие от шлюпки, корабль, несмотря на размеры, обладал более совершенной посадочной системой и нанес бы меньший вред планете. О мощи его защитных систем и говорить было нечего. И работать на нем можно было совсем небольшим экипажем, а для командира сейчас самым важным было не подвергать опасности людей.

Что до людей, то для них сейчас самым важным было как раз не остаться на орбите, и Рохан переживал настоящие страдания от необходимости делать выбор.

Исследование на расстоянии шло своим чередом. Планета вовсе не была необитаемой. Океан и островная гряда в высоких широтах оказались заселены густо и разнообразно. Съемка показывала скопления водных обитателей, наподобие земных рыб, от небольших до очень крупных, некоторые ходили вблизи поверхности воды в районе островов, возможно, это были земноводные существа. Вода казалась чистой, без следов искусственных загрязнений. На скалистых островах можно было различить колонии их обитателей – судя по рельефу островов, это должны были быть летающие существа.

А вот континент казался пустым, необитаемым. Правда, разглядеть, что творилось под зеленым покровом, было невозможно – крона деревьев, если это были деревья, оказалась непроницаемой для камер. И – планета не носила никаких следов разумной деятельности.

Они без труда определили место посадки двух прошлых экспедиций – оптимальную отправную точку для исследований – полоса леса здесь была наиболее узкой, и было проще познакомиться и с лесом, и с прибрежной территорией.

К этому времени все работы по оборудованию космической шлюпки были завершены, и можно было готовиться к посадке.

Технически это не представляло никаких трудностей. Они могли сесть в пустыне неподалеку от леса, причинив минимальный вред тем, кто ее населял, если таковые были, и не потревожив возможных обитателей леса. Впрочем, вероятность жизни в самой пустыне была очень мала. Теперь нужно было дожидаться данных исследовательского зонда.

Пока шла подготовка к посадке, Рохан переключился на укомплектование шлюпки. Он попытался было подготовиться к работе «на месте», но не мог понять, в чем могла бы заключаться такая подготовка. Всю доступную информацию он изучил, ещё когда готовил сообщение для экипажа. В такой ситуации, он знал по опыту, лучше всего было сосредоточиться на какой-то другой деятельности, не слишком загружающей голову. Нужно было довериться своему мозгу. Он продолжал работать – как будто бы даже незаметно для своего хозяина. Он сам и остальные члены экипажа занимались хорошо знакомой рутинной работой, пока опыт, новые знания и плоды размышлений складывались в их головах во что-то, что могло бы стать основой для мгновенных интуитивных решений в недалеком будущем.

На третий день пребывания на орбите условным утром – по обычному для штатного полета расписанию – он застал в рубке одного из борт-инженеров Кирилла и командира.

Кирилл почти неизменно вызывал у товарищей плохо преодолимое желание острить. Все, что бывало курьезного в экспедициях, чаще всего происходило именно с ним. А сейчас он выглядел настолько обескураженным, что Рохан даже взволновался – что такого могло произойти.

В потере зонда можно было не сомневаться, да и не было в этом ничего сверхъестественного, для того зонды и существовали. Но сообщение явно ожидалось из ряда вон выходящим.

Начало не обещало ничего выдающегося. Запуск зонда прошел штатно, он успел передать практически стандартный объем информации, а потом... В этом месте Кирилл заговорил явно неуверенно, поглядывая на Рохана:

– А потом зонд пропал. Я боюсь, присутствующие могут начать иронизировать... но самое подходящее описание, как он пропал, – растворился в облаке.

Рохану пришлось сделать над собой усилие, чтобы немедленно не начать иронизировать.

– Лучше всего, если мы посмотрим запись слежения за зондом с корабля, – примиряюще предложил командир.

На экране появилась привычная картинка – исследовательский зонд на поверхности планеты. Грунт в месте посадки был, видимо, мягкий, потому что зонд находился глубоко в центре приличного кратера. По ряби изображения угадывался сильный ветер, гнавший у поверхности планеты мелкую взвесь. В этой ряби различались светло-серые и более темные, почти черные частицы.

Изображение оставалось неизменным некоторое время, после чего зонд накрыло темным непрозрачным облаком. Оно не больше минуты проходило над зондом, после чего как бы развеялось. На месте, где только что находился зонд, была видна только окружность кратера и характерный след посадочной подушки.

– Я бы хоть как-то понял, если бы это облако подняло зонд и потащило... Но оно через минуту растаяло. Как это вообще может быть? – не удержался Кирилл.

«Мушки, которые едят корабль», – вспомнил Рохан. Если это были они, дело принимало достаточно серьезный оборот. Рохан, в принципе, мог представить неких мушек, которые были способны повредить даже металл. Но зонд действительно растворился в облаке. Невероятная сила превратила его в молекулы так, что не осталось и следа. Или же его и впрямь... съели. Проглотили в считанные секунды, и из этого рта не выпало ни одной крошки.

– А что передал зонд? Можно определить, что это за облако? – спросил Рохан.

– Практически ничего полезного. Частицы... Двигаются очень быстро. Сейчас будет запись.

Запись действительно оказалась бесполезной. Обычная картинка пустого пространства: поверхность планеты, периодические панорамные съемки пустыни. Перед объективом вилась пыль, в которой мелькали частицы желтоватые и почти черные. Черных вроде бы становилось больше. Потом экран потух.

– А что дальше?

– Ничего. Некоторое время идет шум. Потом запись обрывается.

– Хорошо. Нужно поработать с той картинкой, что есть, – распорядился Рохан. – Может удастся определить, что это за такие облака тут. И все данные по атмосфере, грунту... короче, все, что зонд успел передать. И вот еще...

Рохан замолчал. Он только сейчас сообразил, что в присутствии командира отдавал распоряжения и задавал вопросы, которые должен был бы задавать он. Командир молчал, и на лице его застыло какое-то странное выражение. Казалось, его не интересовали события с зондом. И Рохан опять подумал, что в эти последние дни командир почти не участвовал не то, что в руководстве, а даже и в общей жизни экипажа. Может быть, он опасался, что его эмоции повлияют не только на принятие решения, но и на его выполнение?

Впрочем, Рохан отвлекся лишь на несколько мгновений. Он все равно не мог знать, что чувствует командир, не мог даже строить предположения – психология была не его стихией. К тому же, перед ними стояли гораздо более насущные и серьезные вопросы.

– У зонда ведь не было защитного экрана? – спросил он.

– Нет, не было. Стандартный зонд со стандартным оборудованием.

– Подготовьте еще один зонд, установите на него маломощный экран, – сказал Рохан. – Он сожрет кучу энергии, но много времени и не надо. Может, удастся получше разглядеть, что там да как...

По правде говоря, Рохан не очень понимал смысла собственного распоряжения. Проверять надежность экрана не было нужды, еще не было случая, чтобы он подводил. Получше разглядывать «что там да как» тоже было в общем-то ни к чему. Эти облака, конечно, возбуждали интерес, но его, Рохана, почему-то не очень беспокоили. Внизу их ожидала более важная загадка и более серьезная опасность – и подстерегала она только людей. Но он ощущал на себе ответственность куда большую чем обычно. Они должны были разгадать все тайны этой планеты, и он не мог допустить ни одной ошибки при подготовке.

Второй зонд мало что прояснил, разве что лишний раз подтвердил, что под защитой силового экрана они будут в безопасности. От облака. Сама по себе посадка была делом техники. Отстыковавшаяся спасательная шлюпка ушла на орбиту, а корабль по многократно отработанной процедуре совершил посадку в намеченном месте.

После посадки Рохан, как и все счастливики, которые были здесь, а не маялись в бездействии на орбите, считал минуты до выхода. Автоматика перепроверяла данные по составу атмосферы и готовила костюмы, а люди жадно глядели в иллюминаторы. Хотя смотреть было не на что. До горизонта тянулась асфальтово-серая равнина, плавно переходящая в белесую пелену атмосферы. Вверху небо приобретало интенсивный сиреневатый оттенок. Днем здешнее светило раскаляло эту серую пустыню как сковородку. Ночами должно было быть очень холодно.

Прошло еще немного времени, прозвучал сигнал готовности – и вот уже Рохан и еще десять членов команды стояли на поверхности планеты, названной ими смешным именем Полосатик. Под их ногами крошились и шуршали небольшие темно-серые пластинки похожие на слюду. Плоскость, не нарушенная ни одним заметным бугорком, ни одной дюной, тянулась во все стороны горизонта и ее края терялись в дымке. Рохан поглядел в сторону, где, по данным космической съемки, должен был быть лес. Возможно, ближе к вечеру, когда горячее марево исчезнет, он появится далекой, едва различимой полоской.

Рохан обошел корабль кругом, разглядывая монотонный пейзаж и прислушиваясь к собственным ощущениям. В них было так же мало необычного, как и в окрестностях места посадки. Он слегка досадовал, опасаясь, как бы за этим кажущимся благополучием не пропустить приближающуюся угрозу. Рохану было гораздо легче и даже спокойнее находиться лицом к лицу с опасностью. Тогда его чувства и пресловутая интуиция обострились, а ненужные мысли улетучивались из головы.

Всякий раз он вспоминал услышанные в далеком детстве слова: «Когда уходишь от погони, ни о чем другом уже не думаешь». Сейчас же в голову лезло самое разнообразное другое, и в основном это были вопросы, ответов на которые Рохан пока не находил.

Легкая эйфория, вызванная гладкой посадкой и благоприятными – во всяком случае, на первый взгляд – внешними условиями, быстро улеглась, и все занялись привычной работой – от анализа уже полученных проб до подготовки роботов для разведки местности.

Довольно скоро для Рохана наступило время сна, и он отправился к себе в каюту вполне спокойным, не ожидая – во всяком случае, скорых – происшествий.

Между тем, с севера появилась темная туча. Двигаясь низко, она развернулась, вытянутым клубящимся рукавом остановилась неподалеку от места посадки и повисла неподвижно. Так она парила некоторое время. А когда небо едва заметно просветлело, из тучи начал падать черный дождь.

Рохан видел не один и не два, а три или четыре сна. Они были необычно красочны, яркие и до странности последовательны и логичны, что редко бывает во сне. В основном сновидения сплетались из образов детства. В последнем он оказался со своими родителями на берегу моря. Воды он не видел – она сверкала в ярком солнечном свете, слепя глаза, зато светлый, почти белый песок весь из круглых отчетливых песчинок он различал очень хорошо. Песок был так горяч, что на него было трудно наступить, но стоило потерпеть несколько секунд, пока ступни не привыкнут, и по телу начинало разливаться необыкновенно приятное тепло, которое шло как будто изнутри. Потом он сидел по-турецки и играл с песком, во сне как наяву ощущая его шелковистое прикосновение. Руки легко проникали в глубину, и кончики пальцев дотягивались туда, где было уже не горячо. Он пытался очень быстро вырыть ямку и добраться до этого плотного прохладного слоя, но песок тут же нагревался и осыпался, образуя небольшую воронку. Потом Рохан лежал на немного колючей подстилке, очень хотел загореть и постоянно вертелся, подставляя лучам то живот, то бока, то спину, пока они не накалялись на солнце. Он был готов наслаждаться теплом и беззаботностью еще и еще, но как раз на этом месте проснулся.

Некоторое время Рохан не мог понять, в чем дело, хотя его явно что-то беспокоило, и, в конце концов, сообразил: он проснулся оттого, что замерз. Во сне взрослый Рохан вертелся как его маленький альтер эго из сновидения, и одеяло уже давно лежало на полу, а в каюте было свежо. Он любил спать в прохладе под теплым одеялом, перед сном всегда убавлял температуру. При своем немаленьком росте он старался обзавестись одеялом длиннее обычного, чтобы можно было натянуть его до самого носа.

Сейчас он был удивлен: мозг во сне реагирует на физические ощущения тела, и подобное было бы естественно увидеть, если бы ему было жарко.

Пытаясь согреться под прохладным полотном пододеяльника, Рохан думал, что бы это могло значить. Он относился к снам примерно так же, как к интуиции, не видя в них никакой загадки, ничего, что нельзя было бы объяснить с помощью физиологии, психологии, да и просто здравого смысла.

В молодости, следуя услышанному где-то совету, он «загружал подкорку»: перед сном настойчиво размышлял о чем-то, что ему требовалось разрешить, чтобы мозг во сне доделал работу – сам, без его участия. Чаще всего этим чем-то становились задачи курса высшей математики, которые ему больше всего хотелось решить именно так – совмещая приятное с полезным. Не то, чтобы она ему плохо давалась, но он чувствовал какую-то досаду от того, что приходится тратить время на нечто до такой степени абстрактное. Его усилия ни к чему не приводили – он не мог увидеть во сне решения, и назавтра, садясь за пример, обнаруживал свою голову в том же состоянии, в каком он ее оставил накануне – в ней не появлялось ни одной новой идеи.

Позже он пробовал использовать сны для самоанализа. Когда ему снился особенно яркий сон, сразу по пробуждении он записывал подряд все мысли, которые, цепляясь одна за другую, всплывали в его голове после первого толчка – мысли о сне. По идее, в цепочке этих мыслей должно было оказаться подавленное цензурой рассудка желание. Но у Рохана эти психоаналитические изыскания так ничем и не кончались: в записанном потоке сознания он был способен разглядеть только признаки заботы о делах дня сегодняшнего. Он забросил психоанализ, а сны – не иначе, как поняв всю безнадежность своего положения – вообще стали вылетать из памяти, стоило ему только открыть глаза.

На сей раз Рохану тоже не удалось прийти к каким-то важным заключениям, потому что, согреваясь, он очень скоро почувствовал приятную предсонную тяжесть, а мысли его, теперь уже наяву унеслись в детство, к его деду.

Дед никогда его не поучал – и как же так получилось, что во всех своих делах – от важных до самых незначительных – Рохан руководствовался его уроками? Вот, например, дед научил его бороться с бессонницей. Какая могла быть бессонница у маленького мальчика? – ему просто не хотелось, чтобы прекращался поток впечатлений этого дня. Но он слышал, как сетовала по поводу бессонницы его бабушка, и тоже сетовал, а дед лукаво делал вид, что верит ему и хочет помочь. Для того чтобы быстро заснуть, говорил он, нужно некоторое время полежать без одеяла – пока не станет чуть-чуть зябко, а потом укрыться потеплее... Вот и сейчас получилось, как дед советовал, и, несмотря на обилие впечатлений дня и ночи, Рохан крепко заснул, и проспал уже без всяких сновидений до звонка будильника.

Ночная загадка недолго беспокоила Рохана. Нужно было сосредоточиться на текущих делах. Когда он вошел в рубку, там уже были двое: Дэвид, инженер защиты, и Александр, биолог экспедиции. Они просматривали ночные и утренние записи с периметра силового поля. Увидев Рохана они сообщили почти хором:

– У нас гости.

Удивительно, как по-разному можно было сказать одну простую фразу. Дэвид был обеспокоен, не сильно, но все же заметно. Все время, что они разговаривали, он постоянно то вертел заклепки на рубашке, то тер костяшками длинных пальцев глубокие височные впадины. Александр же сиял. Еще бы. Он же был биолог...

Пока было неясно, какую природу могли бы иметь мушки, каждый член экипажа принимал ту или иную сторону в зависимости от того, какой результат ему бы понравился больше.

В пользу их естественного происхождения говорило отсутствие следов цивилизации на планете, тем более такой, которая способна была бы создать подобные искусственные системы. Внепланетное происхождение было также маловероятным: о цивилизации, настолько развитой не только чтобы создать мушек, но и завезти их на другую планету, было бы известно. Интеграция в межгалактическое сообщество происходила обычно на более ранних этапах.

Но каким образом живые существа могли бы уничтожать самые прочные земные материалы? Возможность для живых существ обладать инструментами, или вырабатывать материалы такого рода безопасно для самих себя казалась сомнительной.

Единственным на корабле, кто не сомневался, что предстоит иметь дело с живыми существами, несмотря на все противоречия, был Александр. Конечно же, ему этого страстно хотелось.

Не то, чтобы Рохан впервые видел биолога таким воодушевленным, но сейчас он был, несомненно, в одном из своих редких состояний. По правде говоря, Рохан довольно долго считал Александра угрюмым трудолюбом, едва ли не вовсе лишенным эмоций. Об этом свидетельствовала даже его фигура: грудная клетка, будто бы втянутая внутрь, вечно опущенная голова, будто он пытался прикрыть лицо густыми темными волосами. Казалось, единственным предметом, о котором он способен был – нет, не просто говорить живо, с неподдельным интересом – а говорить с другими людьми вообще – была его любимая наука. Со временем эта иллюзия, конечно же, развеялась. Александр оказался интересным собеседником, глубоким, много знающим человеком. Рохан нередко заводил с ним разговоры, начиная с будто бы почему-либо важных для него биологических вопросов и постепенно отклоняясь на что-то более отвлеченное. Рохану, конечно, было немного стыдно перед биологией, которую он так бесцеремонно использовал, но удовольствие от беседы перевешивало неловкость.

Сейчас Рохан на секунду пожалел о том, что душевный подъем его товарища пропадает зря, но было не до того.

На первый взгляд, местность вокруг корабля выглядела такой же пустой и безмятежной, как и вчера. Но камеры в приближении показывали совершенно другое. Экраны, казалось, были усыпаны мелкими черными точками. Это были те самые мушки... Они роились вокруг неприступной для них преграды. Поднимались они сравнительно невысоко – не больше метра-полтора. Движения казались бестолковыми и хаотичными. Поведение каких-нибудь земных насекомых – да те же мух – представлялось бы более осмысленным.

Его товарищи, видимо наблюдали за ними дольше и пришли к другому мнению.

– Чем больше я на них смотрю, тем больше мне кажется, что во всем этом есть какая-то закономерность. Обсчитать их траектории практически невозможно... – Дэвида нисколько не воодушевляла загадка природы мушек, было бы только, что обсчитать. – Но мне кажется, они либо изучают экран, либо хотят через него проникнуть. А если так, получается, они понимают, что есть что-то для них интересное? Откуда они знают? Может, кто-то посылает сигналы отсюда?

– С некоторой вероятностью под экран могли попасть их сородичи. Вот и общаются. – Рохан сказал это почти машинально, и вдруг испугался собственных слов. Он подумал о том, как быстро они находили все зонды. И почему это сразу не пришло ему в голову? Выходило, что вся поверхность пустыни была под контролем этих мушек. А если это только дозорные? Пчелы – то есть мушки – разведчики. А если основной рой где-то прячется до времени?

– Я мечтаю изловить хотя бы одну мушку с той самой минуты, как мы сели, – почти совсем по-детски сказал биолог. Точно, мушки интересовали его сами по себе, вне связи с их количеством и возможными последствиями. – Пока не придумал, как это сделать, – и вдруг, совсем неожиданно добавил, – интересно, они идут на свист?

– А если идут, то зачем? – раздался бодрый голос. Это был Дема, специалист по компьютерным системам. Вот уж кто был полной противоположностью Александру. Этот корена-

стый, рыжий, невысокий человек был одна воплощенная эмоция, и чем он был особенно люб всему экипажу – эта эмоция была оптимизм. Он даже не пользовался такой скучной вещью, как обыкновенное имя, представляясь еще школьным, видимо, прозвищем. Наверное, оно было произведено от его фамилии, хотя – кто разберет? Оно подходило ему гораздо лучше имени. Сейчас же он и выглядел нелепо-забавно: криво закатанные рукава и рубашка, растянутая почти до пупа, чтобы все могли – разумеется, с удовольствием – созерцать его крепкий торс, покрытый замечательно рыжими волосами. – А чего это нынче жара такая?

Все непроизвольно взглянули на небольшое табло состояния окружающего воздуха. Такие табло находились в каждом помещении корабля. По большей части об их существовании никто и не вспоминал. Зачем интересоваться температурой и влажностью, если они тебя не беспокоят? Вот и сейчас табло показывало обычные 22 градуса.

Мушки мгновенно испарились у Рохана из головы. Он вспомнил свой сон, и интуитивно почувствовал, что с кораблем, точнее, с экипажем, происходит нечто более важное, чем мушки.

– Странно, – пробормотал Дема. – А мне что-то жарко... А вроде уже и не жарко.

Они переглянулись. Рукава были закатаны у всех, кроме Рохана, но он только недавно оделся. Биолог, сидевший перед экраном, незаметно для себя скинул еще и обувь, и теперь смущенно поджимал пальцы ног.

– Ребята, давайте все-таки вернемся к нашим баранам, – сказал Рохан. Ему остро захотелось сменить тему разговора. – Надо бы постараться как можно ближе рассмотреть этих мушек. Надо поставить камеры помощнее у экрана.

– И надо продолжать писать их танцы. Может какие-то фигуры удастся расшифровать, если фрагменты будут подлиннее, – подхватил биолог. – Ну, и как их поймать... Короче, работаем!

Рохан вышел в коридор и быстро обошел, почти обежал рабочие помещения корабля. Его глаз настолько привык к обычному образу рабочих помещений этих помещений, к товарищам в неизменных рабочих костюмах, что отмечал малейшие перемены, даже не дожидаясь, пока сознание объяснит, в чем они состоят. А сейчас он мог рассчитывать только на свои глаза – понять, то есть выразить словами, что происходит, он не мог. Но несомненно – что-то было не так...

Носить обязательную форменную одежду в обычные полетные дни на борту не требовалось. Каждый мог одеваться по своему вкусу, хотя большинство предпочитали стандартные костюмы, состоявшие из рубашки, просторных бриджей и легких туфель из мягкого материала на упругой подошве, которые «сами ходили». Положение и размеры каждого кармашка, каждой застежки были выверены годами полетов, все в этих костюмах было удобно и разумно. Почти сразу после старта многие складывали свою «земную» одежду и залезали в эти костюмы – и это значило, что экспедиция началась.

Полетные костюмы в огромных упаковках загружались перед вылетом и помещались в общий гардероб, где каждый по мере необходимости пополнял запас. Но у каждого космонавта хранился еще и собственный заветный контейнер. Как правило, он был невелик, и раскрывался нечасто, чаще всего на обратном пути, когда уже можно было отпустить мысли домой, и они летели туда гораздо быстрее корабля. Тогда и открывался этот контейнер и из него извлекались домашние вещи, заботливо сложенные кем-то из родных. Они утрачивали тепло их рук, но надежные упаковки сохраняли едва уловимый аромат дома. Их надевали, главным образом, для кают-компания, где на обратном пути все проводили намного больше времени. И она наполнялась надеждой и спокойствием.

Сейчас Рохан вглядывался в товарищей, в таких привычных светлых рубашках, и понимал, что что-то не так. Если бы он был склонен к художественным образам, сказал бы, что они выглядели так, будто хозяева тяготятся ими и хотели бы их снять. Впрочем, главное было ясно и без каких бы то ни было формулировок. С людьми что-то происходило. Пока это было трудно сформулировать, не то, что объяснить.

Рохан привык мыслить практически. Если объяснить что-то было нельзя, нужно было наблюдать, ждать, пока объяснения появятся, а до тех пор делать, что должно. Поэтому, завершив свою экскурсию, Рохан сосредоточился на сборе информации о мушках, хотя время от времени, как бы краем сознания отмечал для себя то закатанные рукава рубашки у одного, то лишние расстегнутые пуговицы у другого. Ему и самому то и дело начинало казаться, что стало слишком жарко, тогда он проверял температуру в помещении и это ощущение сразу пропадало. «Все от головы, все от головы», – повторял он себе. Это так быстро успокаивало, что с каждой минутой он все больше убеждался – на них всех что-то действует.

Тем временем мушки на экранах угомонились. Рохан был уверен, что они где-то поблизости, но разглядеть их на фоне черной поверхности планеты было невозможно.

Первую половину дня экипаж готовил роботы. Один должен был подойти к границе леса, взять там возможные пробы и сделать съемку, с помощью нескольких беспилотников предполагалось изучить окрестности на максимально возможном расстоянии. Беспилотник-амфибия, по расчетам, мог пересечь линию леса, сесть на воду и провести возможные исследования там. Но с самым большим рвением трудились над совсем маленькой самоходкой, которая должна была выйти за силовой экран корабля без собственного экрана и за те короткие секунды, что были отведены механическому устройству в жестоком мире мушек, собрать и передать как можно больше информации. В итоге получилось аляпистое нечто на колесиках, увешанное поблескивающими шариками, трубочками, коробочками и растопырившееся во все стороны антеннами самой разной длины, – нелепое и трогательное в этой своей нелепости.

Рохан, в остальном совершенно чуждый сентиментальности, очень трепетно относился к испытательному оборудованию, как, впрочем, и ко всем техническим приспособлениям вообще. Они так и не стали для него чем-то обыденным. Конечно, трудно относиться с трепетом и придыханием к чему-то, чем пользуешься каждый день, и, конечно, Рохан пользовался многочисленными техническими штучками, большей частью не задумываясь об их внутренней, скрытой сущности. Но вспоминал о ней часто. Наверняка чаще, чем другие, и чаще, чем, может быть, следовало бы. Вспоминал о том, что держит в руках, управляет или, вот как сейчас, отправляет на уничтожение материальное воплощение всей истории науки, техники, овеЩествленный разум, заключенную в металл или пластик страсть, фантазию, силу воли множества людей. За каждым крохотным приборчиком тянулся шлейф гениальной мысли, и конец его терялся в глубине веков.

В его памяти остались слова, сказанные ему... он уже и не помнил, кем, очень давно, когда он был совсем ребенком. Рохан тогда шалил и ради забавы включал и выключал свет в комнате. И тогда тот некто сказал ему: «Ты представляешь, какие могучие силы ты вызываешь к жизни просто из баловства?»

На самом деле, некто произнес тогда целую речь. Он говорил про гигантские электростанции на берегах морей, про приливы, про линии электропередач, еще про что-то. Большая часть сказанного была выше разумения Рохана. Но «могучие силы» произвели на него неизгладимое впечатление. А еще – в его создании рядом оказалось великое и обыденное, его детское желание – и могучие силы, которые оно, оказывается, могло вызывать.

Так бывает, что порой слово или поступок совсем случайного в твоей жизни человека, иногда и вовсе незнакомого, оказывает неизгладимое впечатление, направляет твое развитие по какому-то новому пути. Да что человек! Случается просто услышать слова, сказанные кем-то, кого и не видел вовсе, и адресованные вовсе не тебе – а они так задевают за живое, что начинаешь применять сказанное как меру к самому себе, и эта мера может стать несущей конструкцией твоей личности.

Так и Рохан начал применять эти «могучие силы» ко всем вещам, которые его окружали, и с удивлением обнаружил, что все они – не просто вещи, а результат трудов, размышлений, а потом, когда дело дошло до плодов его собственных неловких усилий, – радости от достижения результата.

Рохан как последний скупердяй берег амуницию, зонды, оружие. Он с аптекарской точностью определял, сколько и чего нужно брать с собой. И не было экспедиции, чтобы эта его «рачительность», как говорили, посмеиваясь, товарищи, не сослужила им добрую службу. Не было человека, который бы не поражался его памяти. Еще бы – Рохан натренировал ее хранением многочисленных сведений, за которыми он предпочитал лазить в свою голову, а не баламутить по пустякам могучие глубины глобальной информационной системы.

Между тем зонды были выведены на стартовую позицию, в том числе и их небольшая самоходка, силовой экран был на мгновение снят, и они начали быстро удаляться по пустыне. Рохан следил за ними в иллюминатор с чувством легкой щемящей жалости. Исследовательские машины под защитой собственных экранов быстро пропали из поля зрения, но все следили за самоходкой. Через несколько минут воздух в нескольких десятках метров от корабля вдруг пришел в движение, и ее заволочло плотное черное облако. Несколько раз оно как бы взрывалось, слегка рассеивалась – инженеры поставили на робот электронные пушки, высокочастотные и низкочастотные излучатели – но энергия этих пушек была рассчитана только на несколько залпов. Облако вновь обретало плотность, прошло несколько минут – и оно рассеялось само, не оставив после себя ни малейшего следа. Самоходка растворилась бесследно.

Рохан шумно вдохнул. Он ожидал увидеть что-то подобное, но... как же их было много! Пустыня будто была покрыта живым песком. Его даже слегка передернуло при этой мысли.

Судя по оживленному обсуждению за его спиной, зонд успел передать немало интересных данных. Он не стал участвовать в дискуссии – все это, «разложенное по полочкам», проанализированное будет представлено вниманию экипажа уже через несколько часов.

Через несколько часов он уже многое будет знать, например, о том, как обороняться от мушек. А пока он занялся тем единственным делом, которое от него требовалось – подготовкой к экспедиции в лес.

Знакомая любимая работа почти совершенно успокоила его. Он забыл о странной несущей утренней жаре, о неведомой силе, которая выгнала из кораблей их предшественников. И мушки уже не вызвали у него прежнего трепета – это была просто здешняя особенность, с которой можно так или иначе справиться.

Беспокоило его совершенно другое. В глубине души он понимал, нет, знал, что все это совершенно зря. Эта экспедиция к лесу не могла состояться. Если бы Рохан допускал мысль о возможности предчувствия, подобное ощущение должно было бы его страшить. Но предчувствия, как и любая прочая мистика, были для Рохана невозможны, поэтому он просто досадовал, что у него внутри происходит нечто, чего он не может контролировать. С этим чувством он и отправился спать, когда началась условная ночь, которая теперь почти совпадала с настоящей, астрономической.

Сон, конечно, не обещал быть безмятежным, но то, что случилось, превзошло все мыслимые ожидания. Рохан заснул, но примерно через час его разбудил сигнал тревоги. Судя по небольшой информационной панели в его каюте, никакой внешней угрозы не было, и все системы корабля оставались в норме. Тем не менее, автоматика сочла нужным разбудить второго по важности члена экипажа. Он вскочил, натянул брюки и рубашку, второпях смял задник туфли и так и побежал по коридору жилого сектора, освещенному неярким теплым светом, будто бы неловко приплясывая, пытаясь на ходу выправить задник туфли. Он никак не выпрямлялся и громко в тишине ночного коридора шлепал Рохана по босой пятке.

Трудно было даже предположить, что мог значить сигнал тревоги в такой ситуации. Рубку Рохан нашел в том же виде, как и несколько часов назад. Загорелся только сигнал, сообщавший, что кто-то пытался выйти на поверхность. По его же собственному распоряжению, открывать его имели право только несколько членов экипажа, отобранных по принципу наибольшей психической устойчивости.

В рабочем секторе коридор был тих, погружен в полумрак, почти благостен, только беззвучно мигали сигнальные индикаторы. Рохан остановился, поправил туфлю, привел в порядок дыхание и пошел дальше, инстинктивно стараясь ступать тише. Спустившись ниже, он услышал звуки шагов, человеческой возни и голоса. Все они были тихими за исключением одного высокого и мелодичного.

– Сбросить одежды и идти свободными! – Рохан узнал голос Демы. Бедняга, кажется, больше всех страдал от загадочного психического воздействия. Неудивительно – кто, как не человек-эмоция, должен был оказаться самым внушаемым. – Голые люди на голой земле...

Остальные голоса звучали довольно буднично, Дема явно не представлял угрозы ни для себя, ни для кого-либо на корабле. В минуты опасности, в Рохане просыпалась исключительная чуткость и наблюдательность, ему было достаточно услышать дыхание товарища, чтобы понять, что тот в беде. И сейчас, казалось бы, можно было успокоиться. Но под ложечкой сосало с возрастающей силой и, приближаясь к месту событий, он все больше ускорял шаг.

Так, почти бегом, он миновал последний поворот коридора... и увидел.

На площадке перед исправно сомкнутыми дверцами лифтовой кабины собралась приличная для этого времени толпа – дежурные, врачи, «случайные» люди, те, кто мог сейчас спокойно спать, но почему-то оказался тут. Взгляд Рохана тут же выхватил Лину. Он всегда ее выхватывал. На двери беспорядочно горели индикаторы – кто-то, явно не слишком хорошо владея собой, пытался выйти и давил на все панели подряд. На полу прислонившись спиной к дверце, будто бы обессилив, подтянув колени к груди сидел Дема... все еще возбужденный, но уже слегка осоловевший...

Гольй.

Врач экспедиции увидел Рохана и сообщил:

– Мы обнаружили его здесь в состоянии сильного возбуждения. Он пытался выйти и твердил довольно странные вещи. Как будто по памяти цитировал старые священные книги. Переврал все, конечно. Мы дали ему успокоительное, после чего быстро произошло облегчение, сейчас положим его у себя, понаблюдаем. Сейчас ему главное поспать, потом будем смотреть... Хотя...

– Спасибо, – так же машинально ответил Рохан. Из глубины коридора появилась высокая мощная женщина – второй врач экспедиции – с большим одеялом в руках. Она очень ласково, приговаривая что-то про себя, завернула Дему в это одеяло и в обнимку повела в медицинский отсек. Рядом с ней компьютерщик казался мелким обиженным мальчишкой. Он все еще немного заплетающимся языком продолжал говорить «голый человек на голой земле», обращаясь уже к ней одной. В ответ получал средней увесистости похлопывания по плечу, и, кажется, был уже совершенно спокоен и даже счастлив. Следом за живописной парочкой потянулся доктор.

«Сирены... Сирены...», – вертелось в голове у Рохана.

Может быть, он даже он сказал это вслух. Во всяком случае, он поймал на себе особенно пристальный взгляд Лины. Рохан смешался даже больше, чем обычно, потому что это были ее слова, и неловко пряча растерянность под несколько преувеличенной твердостью в голосе, отдал бесполезное распоряжение: «Всем дежурным вернуться на свои места, остальным спать», и дождавшись, когда все двинется по коридору, пошел замыкающим, будто кто-то рвался назад и его никак нельзя было пускать.

Назад никто не рвался. Никто даже не пытался что-то сказать. Либо все были ошарашены, либо... Рохан ощущал в себе странное спокойствие. Мощный вал эмоций и чувств, которые накатил на него в тот момент, когда он только увидел Дему, растекаясь как-то слишком быстро. Теперь в его голове вертелась только одна простая мысль – как хорошо, что поставили блокировку. А еще его сильно клонило в сон. Да, он был разбужен в середине ночи, но после такой встряски сон должен был бы улетучиться... Так или иначе, делать сейчас ему было нечего и он отправился в каюту.

Следующий день начался до странности спокойно. О ночном происшествии знали только его свидетели. Рохан навестил Дему у медиков, тот крепко спал, а подключенные к нему приборы показывали отменную работу всего организма, в том числе, мозга. Рохан завтракал, изучал данные о ночной активности мушек, занимался еще чем-то несущественным, – и все это время его беспокоило необычное ощущение. Он чувствовал, что должен сделать, или, может быть, решить, что-то важное – но не понимал, что именно. Несколько раз он ловил себя на том, что ничего не делая, смотрит в экран-иллюминатор, и не мог сказать, как долго это продолжалось. Он еще два раза ходил к Деме. Когда тот, наконец, проснулся, пытался выяснить, как он себя чувствует, нет ли у него странных ощущений, не жарко ли ему, не холодно ли, что он видел во сне. Дема был бодр и чувствовал себя и физически, и морально как младенец. Из ночного происшествия он помнил только, что почему-то вышел из каюты и, странным образом, этот провал в памяти его нисколько не беспокоил.

Рохан отправился в пустующий спортзал, попытался делать дыхательную гимнастику и расслабляться, но и это не помогло ему справиться с мыслями. В конце концов, он решил воспользоваться единственно возможным и почти всегда выручавшим его способом – заняться обычной текущей работой.

В рубке оказались несколько человек, все выглядели спокойными и какими-то занятыми. В иллюминаторе наблюдался ставший уже привычным пейзаж: асфальтово-серая плоская поверхность, уходящая к горизонту, треноги с аппаратурой, установленные внутри силового поля и гораздо дальше – две человеческие фигуры в полевом обмундировании. Гораздо дальше. Так далеко, что...

Рохан почувствовал, что не может вдохнуть. Внутри была сосущая колючая пустота.

– Кто разрешил?! – просипел он.

– Что разрешил? – возле пульта управления экраном как ни в чем ни бывало стоял Дэвид.

– Разрешил выйти за экран? – простонал Рохан.

Зачем ему было это знать? Зачем ему было это знать – теперь. Зачем...

Индивидуальные костюмы имели слабенькую защиту. Эти двое были слишком далеко, чтобы вернуться до того, когда запас энергии закончится. А они и не собирались возвращаться. За доли секунды перед глазами Рохана промелькнула знакомая картина: накатывающееся плотное черное облако, которое не оставляло после себя ничего... Рохан будто бы видел всё это... или это было уже наяву... или уже ничего не было, только голая пустыня, какая оставалась после мушек...

Но Рохан не думал о них.

Командир. Он думал о командире. Это он привел их сюда, следуя неясной мечте, юношескому порыву... Или даже еще хуже – иррациональному мистическому чувству. И теперь за эту мечту отдали жизнь двое его товарищей. Двое его подчиненных, за которых он отвечал. Которых он сам бы защищал до последнего.

И вдруг Рохан с поразительной ясностью понял, что он сам тоже отвечает – за командира. Командир вверил ему свою мечту, себя самого и своих – и его – товарищей. И это его, Рохана вина, что с его товарищами случилось несчастье, а командир будет до конца жизни нести невыносимое бремя...

...Звук сирены возник как будто издали, приблизился, навалился на Рохана, вломился через его барабанные перепонки и готовился разорвать голову. «Я что, отключился?» – мелькнуло в его сознании. По коридору катился нарастающий вал звуков. Шаги и голоса протекли мощной волной в направлении выхода. В этом движении была странная надежда. Нет, конечно, надежды не было, но раз бегут – значит хотят спасти, значит... Оцепенение, сковавшее Рохана, спало, и он тоже захотел побежать, но – удивительно – волна уже катилась назад. Она была столь же мощной и быстрой. Она не растеклась бессильно в отчаяние, кажется, она была даже сильнее. В звуках голосов, резких и отрывистых, чувствовалась какая-то неожиданная деловитость. Звуки затихли в коридоре, который вел в медицинский отсек. Рохан остался в рубке – сейчас он вряд ли мог чем-то помочь.

Прошло еще какое – то время. В рубку вошел Дэвид. Он молча подошел к иллюминатору, несколько минут смотрел в пространство, потом повернулся к Рохану и спросил:

– Ты можешь объяснить, как это может быть?

Его голос звучал до странности спокойно, как это иногда бывает, когда человеком владеют сильнейшие эмоции. Они будто втягивают все силы внутрь, и внешне тело ведет себя так, будто ничего не случилось.

– Может быть – что?

– Когда я давал разрешение на выход... У меня было совершенно ясное сознание. Понимаешь?! В точности, как сейчас. Сейчас я знаю, что людям нельзя за экран, а тогда я точно так же знал, что можно...

Он тяжело плюхнулся на кресло и пробормотал очень тихо:

– Мы даже не понимаем, что нас что-то действует! Мы...

– ...очень рискуем, – закончил за него Рохан. И проговорил уже, пожалуй, сам для себя: – Надо что-то сделать... что-то сделать...

Рубка начала заполняться членами экипажа. Последним появился Питер, самый молодой член экипажа. Вообще-то он входил в медицинскую бригаду, но здесь в урезанном экипаже охотно принял на себя обязанности помощника всех везде. Его рвение и жизнерадостность как нельзя лучше соответствовали этой должности.

Он зачастил с порога:

– У них множественные порезы. Руки здорово пострадали, но док справится, он классный хирург. Потеря крови, конечно, все дела... – Питер на мгновение смутился – вещи, которые он говорил, как-то не предполагали большого веселья – но тут же продолжил с окончательно счастливым видом: – Угрозы жизни никакой! Еще будут летать и летать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.